Сара Раттаро

Я сделаю с тобой все, что захочу

ХИТ ПРОДАЖ В ИТАЛИИ!

Тайное становится явным в самые драматичные

Сара Раттаро

Я сделаю с тобой все, что захочу

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8738719
Я сделаю с тобой все, что захочу / Сара Раттаро ; [пер. с ит. А. Лентовской].: Синдбад; Москва; 2014
ISBN 978-5-905891-54-0

Аннотация

Когда у Виолы появился новый поклонник, подруги не скрывали своей зависти – по Карло вздыхали все старшеклассницы. Но он выбрал ее – независимую, дерзкую, не привыкшую лезть за словом в карман. Влюбился без памяти. Чтобы жениться на Виоле, ему пришлось преодолеть яростное сопротивление матери, мечтавшей о более выгодной партии для сына.

Казалось, они нашли друг друга и будут счастливы всегда. Внимательный и заботливый Карло был образцовым мужем Виоле и стал идеальным отцом родившейся вскоре Луче. Его ни о чем не надо было просить – он сам рвался купать и кормить дочку с ложечки, гулял с ней, а когда она подросла, помогал делать уроки, читал книжки, водил в театры и музеи. Отец и дочь настолько сблизились, что Виола стала чувствовать себя в семье третьей лишней.

… Известие о несчастье застало Виолу далеко от дома, в чужой постели. Нужно срочно мчаться в больницу. Гонка со временем, в которой на кону оказалась жизнь Луче, приведет к неизбежному – Виоле придется открыть свою тайну, которую она хранила от мужа и дочери все эти годы…

Содержание

Тем вечером 5
Днем раньше, 7:38 8
Много лет назад… 11
Днем раньше, 9: 00 17
Днем раньше, 18:30 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Сара Раттаро
Я сделаю с тобой все, что захочу

Над шрамом шутит тот, кто не был ранен.
[…] Но тише! Что за свет блеснул в окне?
О, там восток! Джульетта – это солнце.
Встань, солнце ясное, убей луну —
Завистницу: она и без того
Совсем больна, бледна от огорченья,
Что, ей служа, ты все ж ее прекрасней.
Не будь служанкою луны ревнивой!
Цвет девственных одежд зелено-бледный
Одни шуты лишь носят: брось его.
О, вот моя любовь, моя царица!
Ах, знай она, что это так!
Она заговорила? Нет, молчит.
Взор говорит. Я на него отвечу!
Я слишком дерзок: эта речь – не мне.
Прекраснейшие в небе две звезды,
Принуждены на время отлучиться,
Глазам ее свое моленье шлют —
Сиять за них, пока они вернутся.
Но будь ее глаза на небесах,
А звезды на ее лице останься, —
Затмил бы звезды блеск ее ланит,
Как свет дневной лампаду затмевает;
Глаза ж ее с небес струили б в воздух
Такие лучезарные потоки,
Что птицы бы запели, в ночь не веря[1].

Sara Rattaro
Un uso qualunque di te

Издание подготовлено при содействии *Silvia Meucci Agenzia Lettemria,* и литературного агентства *Andrew Nurnberg*

© Sara Rattaro, 2012 Translated by arrangements with Silvia Meucci Literary Agency – Milan

Перевод с итальянского Анны Вадимовны Лентовской

Тем вечером

Мой телефон звонил раз десять, не меньше. Ты дождался, когда гудки сменятся приветствием автоответчика, и сдавленным голосом надиктовал довольно невнятное сообщение. Твой звонок прервал мой мирный сон вдалеке от нашего дома.

Было два часа ночи. Я будто наяву представила себе, как ты ответил «немедленно выезжаю», услышав бесстрастный голос, сообщивший о случившемся. Интересно, что ты подумал, когда, по привычке протянув в темноте руку, не обнаружил меня рядом? Моя половина кровати была пуста. Ты позвонил мне – безрезультатно. Потом натянул брюки, брошенные на кресло, и снова позвонил.

Опять ничего. Тогда ты надел свитер, обулся и рванул к входной двери, сжимая в руке ключи от машины. Пока несся вниз, еще дважды набирал мой номер – на шестом и на третьем этаже. Никакого ответа. Потом, уже в машине, давя на педаль газа, ты мчался по нашему городку и в бешенстве кричал: «Да где же ты, черт побери?!» Ты нуждался во мне, и не только ты, но я не отвечала. На парковке у больницы ты попробовал позвонить еще раз, не понимая, как я могу тебя не слышать. Пересек сквер, прижимая телефон к уху и все еще надеясь, что твое собственное отчаяние вкупе с мрачной энергетикой этого печального места помогут найти меня. Но все оказалось напрасно.

Ты сдался, когда увидел медсестру и продиктовал автоответчику: «Я в больнице. Приезжай, как только сможешь». Затем тоскливо взглянул на телефон и коротко нажал на красную кнопку, оборвав связь со мной.

Когда в человека воткнули нож, он, наверное, испытывает нечто подобное. Впрочем, вряд ли кто-нибудь, получив тяжелую рану и истекая кровью, вздумает смотреть на себя со стороны. Я судорожно вздохнула, прослушав твое сообщение, и сообразила, что на этот раз мне долго придется объяснять свое отсутствие. Телефон разрядился прямо у меня в руке. Почему ты не сказал, в какую больницу ехать? Что теперь делать? Я накинула на себя первую попавшуюся одежду и выскользнула из чужого дома как воровка. Все свои вещи я прихватила с собой, все до самой последней мелочи, вместе с угрызениями совести и страхом. Нормально одеться я могла и в машине – все равно меня никто здесь не знает.

Я вставила ключ в замок зажигания, завела мотор и вдруг осознала, что понятия не имею, куда ехать. Ощущение было такое, будто мне четырнадцать лет, я запуталась в собственной лжи и теперь не знаю, как справиться с последствиями.

Можно было отправиться домой – вдруг ты оставил для меня записку? – или по очереди объехать все больницы, пока не повезет.

Поразмыслив, я направилась туда, где надеялась тебя найти. Оживить телефон удалось ненадолго: он на миг включился, однако второй его сдавленный писк стал прощальным. Я осмотрелась в поисках таксофона, но вспомнила, что у меня нет карточки. На третьем перекрестке с мигающим светофором я едва сдержалась, чтобы не разрыдаться. Сама того не замечая, я ехала туда, где действительно могла тебя найти.

Было все еще темно и очень холодно.

Спящий город обволакивал меня, дорогу, угрызения совести, страх, растекающийся по коже.

Как ты там оказался? Твой голос непрестанно звучал у меня в ушах: «Я в больнице. Приезжай, как только сможешь». Ты что угодно мог подумать, пока пытался до меня дозвониться. Ты никогда не теряешь самообладания – это я неадекватна. Ты – скала, а я – мятущийся огонек.

Я знала, что нашла тебя. Просто знала, и все: инстинкт, интуиция, капля рассудка привели меня в нужное место. Я в этом не сомневалась.

Перед шлагбаумом на въезде в больничный двор я притормозила, пропуская машину «скорой помощи» с ревущей сиреной, и поехала за ней следом. Тут же что-то знакомое бросилось мне в глаза: перед входом был припаркован твой автомобиль. Он занимал сразу два места – очевидно, ты очень спешил, и это заставило меня насторожиться.

Если ты приехал на своей машине, с тобой не могло случиться ничего серьезного.

Я назвала медсестре свое имя, потом твое, рассчитывая, что она сразу же укажет мне, куда идти.

Она попросила меня посидеть в коридоре. Взглянув на нее, я на секунду представила себе, как бы было хорошо, если бы это ожидание длилось вечно. Одернув жакет, я пристроилась на краешке стула.

Мигающая лампочка на автомате предупреждала, что кофе без кофеина закончился. Из переполненной мусорной корзины вываливались смятые салфетки и грязные стаканчики. Я начинала нервничать: от неизвестности в моей голове возникали тревожные картины. От любого звяканья металла, звонка телефона или произнесенного кем-нибудь слова я подскакивала, как на пружинах. Мимо меня провезли на каталке юношу с покалеченной ногой, и я стала гадать, сколько ему лет. Похоже, он ровесник моей Луче… Не усидела и вскочила со стула.

Меня колотило. Внутри меня вибрировали кости, кровь, все клетки организма. Казалось, тело мое так же непрочно, как карточный домик. Сколько еще мне удастся продержаться на ногах?

Я уставилась в пол, потом посмотрела на дверь. Надо ждать и сохранять спокойствие. Ты так и не появился, но я знала, что ты где-то здесь, в одном из отсеков этой бетонной коробки, и с ужасом ожидала того момента, когда придется посмотреть на тебя. Все изменится: нас с тобой уже больше не будет, останемся только я и ты по отдельности.

По-другому никак.

Через эту воронку двоим не проскочить: либо ты, либо я.

Ко мне быстрым шагом подошел врач, который, судя по всему, знал, кто я такая. Я на мгновение задержала дыхание, и он назвал имя Луче.

Меня как будто схватили за горло. Напряжение пронзило меня, как боль от удара ножом или молнии.

Я попыталась собраться. В больницу я приехала за Карло, а не за Луче. Вспомнилось сообщение: «Я в больнице. Приезжай, как только сможешь». Луче здесь совершенно ни при чем. Врач посмотрел на меня с любопытством и замолчал – очевидно, я вела себя странно.

– Синьора, вы мама Луче? – спросил он спустя пару мгновений.

– Да, это я… А где мой муж? – пробормотала я, чувствуя, как все мое тело деревенеет.

Доктор объяснил мне, что именно произошло, а я представила себе, как он рассказал об этом тебе. Мне он изложил ситуацию лаконично и сдержанно, но с тобой никто не мог так обращаться.

Меня можно просто поставить в известность, а тебе нужно сопереживать.

Я продолжала ждать. Мимо проходили какие-то люди, и я пристально следила за тем, как они один за другим, шаг за шагом перемещались из одного помещения в другое и скрывались из виду.

Интересно, почувствовал ли ты, что я здесь и жду тебя? Мне хотелось только одного: чтобы ты пришел и спас меня.

Когда мы отдыхали в Марокко, я потерялась на местном рынке. Яркие, непривычные, пряные запахи водили меня по кругу, сполохи красок закружили в своем водовороте.

Оглушенная впечатлениями, я засмотрелась на плавные движения женщин в чадре и потеряла счет времени.

Карло быстро нашел меня, как будто точно знал, где именно искать, схватил за руку и прижал к себе, повторяя: «Больше так не делай. Не уходи так далеко». За ужином он рассказал, как догадался, что могло меня отвлечь, и помчался, расталкивая людей, между корзинами и лавками, надеясь, что сердце у него не успеет разорваться, пока он меня не увидит.

Карло умел меня терять, потому что знал, где найти.

Стало светать, и у меня разболелась голова. Было страшно: время шло, а мне никто ничего больше не говорил, ты не появлялся, и я понятия не имела, что делать. Я думала о том, может ли мое нынешнее бездействие предотвратить грядущую бед у.

Может, притвориться, что я здесь ни при чем? Исчезнуть из собственной жизни, из нашей общей жизни? Если мне скажут, что состояние тяжелое, что делать тогда? Плакать? И сколько плакать?

Дверь в коридор открылась, и меня окликнула медсестра:

– Пойдемте со мной, синьора…

Я медленно, будто сама превратилась в кусок пластика, поднялась со стула и приблизилась к распахнутой двери. Медсестра, которая придерживала дверь, отпустила ее, и что-то металлическое толкнуло меня в спину. Одна деталь привлекла мое внимание: я узнала твой свитер. Он приближался ко мне вместе с тобой. Шел ты как-то странно и пристально смотрел на меня. Твой взгляд проникал в меня из глубины коридора. Я остановилась и стала ждать. Теперь я уже могла различить твои черты, расстояние между нами стремительно сокращалось. Я не шевельнулась, когда ты поднял руки и с силой вцепился сначала в мои плечи, потом в горло.

Похоже, тебе удалось приподнять меня над землей и прижать к стене. Мне было больно и совершенно нечем дышать. Ты смотрел мне прямо в глаза каким-то незнакомым взглядом. Что ты хочешь сделать? Ты так зол, что готов убить меня? Это правда. И теперь ты тоже это знаешь.

Человек в белом халате вырвал меня из твоих рук. Я пыталась откашляться, держась за горло. В глазах стояли слезы. Пока тебя оттаскивали в сторону, ты не отрываясь смотрел на меня. Потом закричал:

– Отпустите меня, я ничего ей не сделаю! Врачи отпустили тебя, но остались поблизости.

Ты подошел ко мне и сказал:

– Как ты могла так со мной поступить? Скажи, Виола, как ты могла?

Именно тогда мне стало тебя не хватать.

Днем раньше, 7:38

Я открыла глаза за двадцать две минуты до звонка будильника. За двадцать две минуты, если нет пробок, можно пересечь весь наш город из конца в конец. Можно взбить белки для тирамису, договориться с телефонной компанией о смене тарифа, отправить заказное письмо, настроить телевизионные каналы, загрузить посудомойку после ужина с подругами, посмотреть серию «Секса в большом городе», сделать хирургическую коррекцию близорукости или совершить заплыв на длинную дистанцию. Или, например, за двадцать две минуты можно уволиться, зачать ребенка, съесть комплексный обед.

В тот день за двадцать две минуты я дважды услышала, как хлопает входная дверь (Луче всегда выходит из дома на пару минут раньше отца), но даже не шевельнулась.

Как обычно, я вылезла из-под одеяла, сунула ноги в тапки, затянула волосы в пучок, надела очки и прислушалась к тишине в доме, одновременно вдыхая запах кофе, который Карло в течение последних девятнадцати лет, четырех месяцев и еще пары дней каждое утро оставлял для меня на плите. Кроме того, он оставлял мне свежевыжатый сок из трех красных апельсинов и хлеб с джемом, вынутым из холодильника заранее, чтобы не был слишком холодным.

За двадцать две минуты одному человеку каждый раз удавалось совершить маленькое чудо – накрыть стол только для меня.

С каждым новым днем, проведенным на этой земле, я все больше убеждалась в том, что Карло любит меня больше жизни.

Он не переставал меня любить даже после того, что я устроила на свадьбе его сестры. Это событие было подготовлено безупречно, до самой последней мелочи. Карло отвез Луче к своим родителям, лишив меня возможности оправдать свое отсутствие в церкви.

Когда, уже практически стоя на пороге, он обнаружил, что я только собираюсь завтракать, то в недоумении воскликнул:

– Ты до сих пор в пижаме? Милая, как же так! Мы опаздываем, а я… Я должен вести сестру к алтарю… Уже давным-давно надо было выехать из дома!

– Прости, пожалуйста. Я плохо спала, у меня болит голова, но я постараюсь приехать вовремя. Не жди меня, поезжай один.

Карло опустил глаза и пробормотал:

– Как хочешь. Но прошу тебя: не опаздывай слишком сильно.

Помолчав, абсолютно спокойным, умиротворяющим тоном добавил:

– Пожалуйста, ради меня.

При этом, само собой, он думал о своей матери, которая только и ждала, чтобы я выкинула подобный фокус.

Дверь за Карло закрылась. Я окончательно убедилась в том, что его машина отъехала от дома, и лишь тогда начала одеваться и краситься. Время от времени я поглядывала на часы, которые отсчитывали минуты, остававшиеся в моем распоряжении. Наконец я обулась, надела платье, взяла сумку и отправилась на церемонию.

Без всякой спешки я миновала три квартала, которые отделяли меня от церкви Святого Назария, пересекла садик, где выросла Луче, прочла, остановившись у киоска, заголовки газет. По дороге внимательно смотрела под ноги, обходя лужицы, хотя меня так и подмывало с разбегу прыгнуть в самую глубокую и заляпать новое платье.

Интересно, сколько пришлось молиться дорогой Надирии, чтобы дождь вовремя прекратился?

Впрочем, вздохнув, я отогнала от себя дурные мысли о свекрови: день предстоял долгий.

Закрытые двери и ставни магазинов вокруг меня свидетельствовали о том, что сегодня выходной.

Я вышла на площадь перед церковью в ту самую минуту, когда подружки невесты в платьях цвета лаванды стали приглашать всех гостей внутрь, поскольку невеста должна была вот-вот подъехать.

«Всех, кроме меня», – подумала я, нарочно замедлив шаг.

Машина Карло, не останавливаясь, проехала мимо и скрылась за церковью. Последней в храм должна была войти невеста. Но я все еще стояла снаружи.

«Ну что ж, попробуем еще разок!» – подумала я и усмехнулась, предвкушая результат своей выходки.

Переступив порог храма, я на миг остолбенела: вокруг разливалось дивное благоухание. Убранство церкви поражало великолепием. Марта все организовала безукоризненно.

Алтарь и скамьи утопали в орхидеях, гладиолусах, каллах, розах, белых лилиях и туберозах, источавших волшебный аромат.

Я застыла как вкопанная, чуть покачиваясь на каблуках.

Моя фигура в чудесном светлом платье цвета слоновой кости (почти белом) отчетливо вырисовывалась в глубине центрального нефа, она была хорошо видна даже тем, кто сидел в первых рядах, включая Надирию, которая в ужасе воззрилась на меня из-под полей шляпки.

Все поднялись с мест, и свадебный марш зазвучал как раз тогда, когда Марта у дверей храма поставила свою атласную туфельку на мостовую, выбираясь из шикарного лимузина.

При первых звуках марша Мендельсона с лица Марты мигом сошло выражение кротости. Опираясь на руку брата и дрожа от ярости, она проговорила:

– Она даже мой свадебный марш присвоила. Да что же это такое!

Карло поджал губы и покачал головой. На безупречно накрашенном лице его сестры сверкнула слеза.

В восемь с небольшим я намазывала джем на хлеб и в очередной раз вспоминала тот день и выражение лица Марты. С тех пор почти пятнадцать лет прошло, но я так и не смогла забыть взгляд, которым она одарила меня тогда в церкви. В паре метров от жениха Марта остановилась и уставилась на меня с искренней ненавистью. Именно тогда я заметила, насколько она похожа на Надирию. Не выпуская банку джема из рук, я рассмеялась.

Карло любил меня, несмотря на то что его мать непрестанно повторяла: «Эта сумасшедшая испортит тебе жизнь».

Он из кожи вон лез, но забирал Луче из сада каждый раз, когда я ее там забывала, и придумывал мне достойные оправдания, чтобы я казалась лучше, чем есть.

Карло любил меня, как любят больных людей, – ни о чем не спрашивая и ничего не требуя. И кроме того – он так и не понял, что на самом деле я вовсе не больна.

Он терпел мое молчание, не допытываясь, о чем я думаю.

Он оставлял мне записочки на холодильнике: «Люблю тебя, малышка». Карло действительно относился ко мне как к маленькой девочке.

Позавтракав, я снова забралась под одеяло – обожаю так делать. Впрочем, через несколько минут я поднялась, заглянула в твою комнату, Луче: беспорядок, словно после взрыва бомбы, – как это похоже на меня. Именно поэтому я и не имею на тебя влияния. Утром ты красилась: на трюмо валялись открытые тени.

Я тебя даже не видела. Ты наверняка проскользнула в ванную вместе с отцом и спросила: «Пап, как мне лучше – с хвостом или с распущенными волосами?» Карло, естественно,

состроил безразличную мину и как ни в чем не бывало ответил: «Конечно, с хвостом. А то волосы будут мешать тебе на занятиях».

Само собой, он привирает, Луче. Хвост его устраивает больше, потому что с распущенными волосами ты кажешься ему более сексуальной, и это выводит его из себя. Он панически боится других мужчин, того, как они на тебя смотрят, о чем могут думать, наблюдая, как ты невинно проводишь рукой по своим длинным шоколадным волосам. Никогда прежде он так не боялся секса – секса, которым будешь заниматься ты, которым кто-то займется с тобой. Поэтому он обращается с тобой как с мальчишкой в надежде, что ты еще какое-то время останешься при нем. Он боится, Луче, ведь когда в твоей жизни появится другой мужчина, его сердце разорвется.

Когда тебе исполнилось пять лет, ты попросила у него ящик, чтобы хранить в нем кукол. Я хотела купить его в магазине игрушек, но Карло попросил меня немного подождать и сделал его своими руками. Получился ларь-скамья, на котором он со всех сторон вырезал твое имя. Тебе этот ларь так понравился, что ты хотела в нем спать. Я ужасно боялась, что крышка ночью захлопнется, а он ждал, пока ты заснешь в ларе, а потом относил в кроватку. «Она спит? Ты закрыл ящик? – спрашивала я. – Хоть бы она ночью туда не забралась…» Но Карло только улыбался, потому что у него все было под контролем.

Я очень тебя люблю, Луче, но совершенно уверена, что, выбирая между мной и своим отцом, ты предпочла бы его.

В восемь часов тридцать девять минут я была полностью одета и имела в запасе еще целую минуту времени. Закрыв входную дверь на все замки и спускаясь по лестнице, я рылась в сумке в поисках ключей от машины. Ключи никак не находились, и я присела на ступеньку, чтобы посмотреть получше. К моему изумлению, они лежали в кармашке: я умела справляться с беспорядком, но порядок выводил меня из равновесия.

Много лет назад…

Мы с Карло познакомились в старших классах школы. Я в свои шестнадцать больше походила на двадцатилетнюю второгодницу, а он был восемнадцатилетним мечтателем-альтруистом. Мы, словно две стороны медали, словно вода и огонь, были полными противоположностями.

Не потому ли мы так нравились друг другу? Будущее нашего союза представлялось настолько нереальным, что на него никто бы и гроша не поставил. Точнее, никто не поставил бы ни гроша на меня.

На скачках такую лошадь, как я, любой букмекер счел бы аутсайдером и отметил бы красной ручкой.

И все же история нашей пары оказалась долгой. Она была словно тесный проход в напирающей толпе, словно громкий крик, за которым наступает тишина, словно мурашки по коже, или неясное предчувствие, или лютая стужа в горах.

Нам пришлось нелегко. Мои родители просто-напросто не верили своим глазам, а его мать с отцом надеялись, что это безумие вскоре закончится, как ночной кошмар. У меня в то время ветер гулял в голове, а Карло вел себя безупречно.

В школе его знали все. Как председатель школьного совета он организовывал собрания и участвовал в них наравне с преподавателями. Он играл в теннис, входил в школьную команду по спортивной гимнастике и встречался с девушкой по имени Элизабетта, гораздо больше подходившей ему, нежели я. Надирия напоминала сыну об этом при каждом удобном случае.

Раз в месяц председатель школьного совета собирал в спортзале всех учеников старших классов, чтобы вместе разработать предложения для педсовета.

Среди прочего на повестке дня стоял вопрос о подготовке дня открытых дверей для родителей старшеклассников.

Как только Карло закончил рассказывать о программе мероприятия кучке притихших подростков, я поднялась и стала пробираться к выход у.

Карло посмотрел мне вслед и поинтересовался:

– Ты не согласна с тем, что я предложил?

Все остальные тоже уставились на меня, но я и не думала останавливаться.

– Послушай, блондинка в синей кофточке, я ведь с тобой говорю! У нас демократия: вместо того чтобы уходить, можешь высказаться!

Я замерла на месте. Ребята глаз с меня не сводили, и мне вспомнилась «кривая внимания аудитории». Наш разум не может долго концентрироваться на одной и той же теме – необходим стимул со стороны, чтобы подпитывать интерес публики.

Я обернулась и спросила:

– Это ты мне?

– Да, тебе! Почему ты уходишь? Останься, и мы сможем все вместе обсудить твои доводы.

– В одиннадцать часов похороны моей бабушки, – пробормотала я, опустив глаза. – Ее на инвалидной коляске сбил грузовик. Подонок протащил ее по земле метров сто и даже не остановился, чтобы помочь. Бабушка была в таком ужасном состоянии, что мне даже не позволили с ней попрощаться. Если ты не против, я пой д у.

Красная от смущения, я повернулась и выбежала за дверь, пока мой обман не раскрыли.

Смущенный Карло потер лоб и, пытаясь взять себя в руки, сокрушенным тоном пробормотал:

– Это очень печально. Что ж, продолжим.

Я закрыла за собой дверь, расхохоталась и подумала, что моя бабушка на небесах наверняка тоже повеселилась от души.

На следующий день Карло поджидал меня у выхода из класса.

– Я хотел извиниться и принести свои соболезнования в связи с кончиной твоей бабушки.

Он смотрел мне прямо в глаза, и я, покачав головой, улыбнулась:

– Ты на это повелся?

– А это неправда?

– Моя бабушка умерла пять лет тому назад во сне. Счастливая смерть – так это называется.

– Зачем же ты меня выставила идиотом на собрании старшеклассников?

– Собственно, сначала ты меня выставил идиоткой. А моя бабушка перед смертью напомнила мне, что лучшая защита – это нападение.

Я на пару секунд задержала взгляд на его лице и успела заметить, как у него на лбу появилась морщинка и в глазах отразилось недоумение пополам с сомнением. И тут же удалилась, как актриса, которая спешит уйти со сцены, пока не стихли аплодисменты.

Позже он признался, что тогда еще долго стоял, провожая меня взглядом, пока я не затерялась в толпе.

Спустя два дня я снова столкнулась с Карло в баре у школы. Я заметила его издалека, но как ни в чем не бывало прошла мимо, мило чирикая с подругой Анджелой, которая уже была в курсе дела.

Анджела сделала страшные глаза и прошипела мне в ухо:

– Берегись, сзади!

Но было поздно. Карло тронул меня за плечо и произнес:

– Привет! Не хочешь сходить в кино в субботу вечером?

Я смутилась и покраснела, но твердо произнесла, смерив его взглядом:

– У тебя же есть девушка. Зачем тебе встречаться со мной?

– Нет у меня никакой девушки. За кого ты меня принимаешь? Я серьезный человек.

Он состроил недовольную гримасу, и это мне безумно понравилось.

– Очень жаль, но в субботу я занята.

– Что-то подсказывает мне, что ты опять врешь. Об этом свидетельствуют твой взгляд и приподнятый левый уголок рта. Смотри первую главу пособия «Общаемся без слов: наше тело болтливо». Если приглядеться, то по движениям тела и мимике собеседника можно понять, насколько он искренен. Если передумаешь – вот мой номер телефона.

Карло сунул мне листок бумаги и удалился, явно довольный собой.

– Зачем ему со мной встречаться?

Анджела подышала на замерзшие ладони, выпустила изо рта облачко пара.

– Элементарно, Ватсон! Ты ему нравишься!

– Да что ему может во мне понравиться?

– Слушай, хватит уже! Он вроде с головой дружит и мог бы встречаться с кем угодно в школе. Но выбрал тебя!

Тут Анджела обратила на меня «взгляд, проникающий прямо в душу» (так она его называла), и добавила:

– Ну правда, непонятно, что ты, собственно, выделываешься? Он самый клевый парень в школе! Я бы долго думать не стала!

И отправилась в туалет, победно вскинув руку и растопырив пальцы буквой «V».

В кино мы так и не сходили. В пятницу вечером я ему позвонила и спокойно, словно старому приятелю, сообщила, что неожиданно освободилась. Для меня это чувство было в новинку: казалось, что мы с ним знакомы всю жизнь.

Он как будто ничуть не удивился моему звонку и назначил мне свидание за час до начала фильма, «чтобы немного поболтать».

В итоге мы просидели в кафе-мороженом до семи вечера. За это время мы поговорили о нем, обо мне, о наших мечтах, о тонкой грани между нашими желаниями и тем, чего мы добиваемся, о самых неприятных персонажах в нашей жизни, о родителях, их слабостях и о том, какими мы будем в их возрасте, о том, когда и куда нам хотелось бы поехать, и о том, что шоколад – лучшее изобретение всех времен и народов.

Без пятнадцати семь в ту субботу я уже знала, что он ненавидит баклажаны и футбол, любит боевики, читает романы Скотта Туроу и собирается поступать на инженерный факультет. Что он, по общему мнению, точная копия отца, хотя больше времени проводит с матерью и ужасно завидует сестре.

Я наблюдала за тем, как он жестикулирует, старается подыскать нужные слова, чтобы его приятно было слушать, как улыбается и подтрунивает над собой. Он был любезен и элегантен.

– Так… Что же я еще о себе не рассказал? – задумался он на минуту. – Ах да! У меня аллергия на аспирин! Однажды мать, пытаясь сбить мне температуру, отправила меня прямиком в больницу. Она так себе этого и не простила: стоит мне вспомнить о том случае, как она заливается слезами. Я до сих пор слышу ее крик в больничном коридоре: «Я не мать, я чудовище!» Она ужасно испугалась, и с того дня ее опека надо мной сделалась слегка обременительной.

Он отвернулся, пару секунд как будто разглядывал что-то за окном, потом улыбнулся и продолжал:

– Порой мы слишком поздно обращаем внимание на то, что причиняет нам вред.

– Последствия курения, тревожность, укус змеи?

– Неправильный диагноз, неосторожность, навязчивые идеи или, может быть, на то, что рядом с нами не те люди.

Вот в чем дело: мы с ним говорили на одном языке.

Тем вечером я вернулась домой, отчетливо понимая, что вскоре что-то изменится.

Я уже не была только «девушкой с собрания», мы с Карло стали неразлучны.

Спустя несколько дней он попросил меня сходить с ним на встречу, организованную ЮНЕСКО, где обсуждались права населения.

– Я волонтер в неправительственной организации, – пояснил он, и я посмотрела на него так, будто он поведал мне о своих сверхъестественных способностях. – ЮНЕСКО обвиняют в злоупотреблении своим положением в политических целях, и мне хотелось бы получше во всем этом разобраться.

Я смотрела на него во все глаза, как на фейерверк в темном небе.

Карло принялся объяснять мне, насколько важна эта встреча, рассказал мне о проблеме половинчатой демократии, о праве каждого народа на самоопределение. Потом он углубился в рассуждения о фундаментальных правах личности – правах, данных от рождения, нерушимых и неотъемлемых.

А я все смотрела на Карло, не зная, что мне делать, и думала, понимает ли он, насколько я далека от подобных тем. Он взял меня за руку и предложил:

– Если хочешь, потом мы можем остаться и послушать выступление о влиянии качественного общественного пространства на жизнь горожан.

Я буквально вытаращила глаза, и тут он рассмеялся:

– Успокойся, я шучу. Больше ничего серьезного не будет.

Потом он повернулся ко мне и, глядя мне прямо в глаза, добавил:

– Кроме нас с тобой.

Так он привел меня туда, куда я сама не попала бы никогда в жизни.

Конференция продолжалась около двух часов. Все это время я просидела неподвижно, а Карло в задумчивости кусал губы, постукивал ручкой, наблюдал за докладчиками, запоминал какие-то данные, выражения, предложения.

Мои мысли блуждали очень далеко.

Я наблюдала за тем, как он сидит, откинувшись на спинку стула, положив ногу на ногу, как он приглаживает волосы. Он был мне бесконечно интересен, потому что не походил ни на кого другого: я хотела понять его, постичь его суть, проникнуть в его сознание.

Я ничего не спрашивала у него о нем самом, потому что не знала, как сформулировать вопрос, и находила утешение в тех редких, драгоценных моментах нашего общения, когда его внимание не было направлено на меня. Тогда же я пыталась побороть навязчивое ощущение, что все время нахожусь не там, где должна быть.

Карло напоминал луч света, который, пройдя через призму, сияет всеми цветами радуги, он был словно открытый взгляд, доверчиво протянутая рука, как запах кофе воскресным утром или обезоруживающая улыбка.

– Почему ты выбрал инженерный факультет? – Я попыталась вернуться на изведанную территорию, чтобы все вокруг перестало казаться таким необычным.

– Мне нравится математика, – ответил он с улыбкой. – Это банально?

Впрочем, в Карло не было ничего банального, и он тут же это доказал.

– Математика изысканна, – продолжал он, – а я питаю слабость к изысканным вещам. Ничего не могу с собой поделать.

– В самом деле?

– Так любил повторять мой дедушка – энциклопедический ум. Он преподавал историю технических наук в университете. Он усаживал меня, маленького, к себе на колени и рассказывал увлекательные истории. Больше всего мне нравилась история Эвариста Галуа, математика, который жил в XIX веке и погиб на дуэли, защищая честь любимой женщины. За несколько дней до смерти он открыл, что простейших математических расчетов достаточно, чтобы понять, решаемо ли любое уравнение. Но насладиться триумфом своего гениального открытия ему не пришлось, ведь погиб он, когда ему не исполнилось еще и двадцати лет. Представляешь? Было бы здорово, если бы математическую теорему назвали моим именем.

– Только если для этого тебе не придется умереть в двадцать лет.

– Ты права: я не стану влиять на историю математики и посвящу себя тебе.

Он обнял меня за талию и поцеловал. Это был наш первый поцелуй.

Первый поцелуй имеет особое значение, Луче. Даже если он будет коротким и неумелым, все равно он навсегда останется в твоем сердце. Когда тот, кого ты не можешь выбросить из головы, потянется к твоим губам, тебя захлестнут эмоции. С первым поцелуем не шутят, Луче, ведь когда ты найдешь того самого человека, первый поцелуй станет решающим.

Мое тело перестало сопротивляться, и я безвольно утонула в объятиях Карло.

Под дверью моего дома он на полном серьезе спросил:

– Хочешь, я поднимусь и представлюсь твоим родителям?

Я расхохоталась, но тут же примолкла под его спокойным серьезным взглядом.

– Мой отец работает в вооруженной охране – давай в следующий раз! – ляпнула я и, как жидкость, просочилась в приоткрытую дверь.

Через пару часов мы уже снова болтали по телефону.

Никогда не знаешь, чем может закончиться любое начатое дело. Корпишь над домашним заданием – а тебя не спрашивают, вдумчиво изучаешь карту города, чтобы понять, на каких улицах движение наиболее напряженное, – и просиживаешь уйму времени в пробке. Мечтаешь о принце, а влюбляешься в человека, который не соответствует ни одному из параметров идеального партнера в твоем понимании.

Будущее можно предвидеть, предсказывать, планировать. Но когда оно наступает, то всегда застает тебя врасплох.

Именно поэтому его ожидание так тревожит.

Мы занялись любовью четыре месяца спустя после нашего первого поцелуя.

В тот вечер он пригласил меня на ужин. Получить разрешение моих родителей оказалось непросто, поэтому Карло зашел за мной, красивый и элегантный, как никогда прежде, и решительно протянул руку моему отцу:

– Добрый вечер, я Карло.

Так он официально стал частью моей жизни.

С тех пор мои отношения с родителями упростились до предела: все, что было связано с именем Карло, мне позволялось без прежних бесконечных нотаций, истерик матери и упреков отца.

Карло стал для меня волшебной палочкой, выигрышной комбинацией.

Он заказал столик в прибрежном кафе. На море был штиль, и светила полная луна.

– Как красиво! – сказала я Карло, потому что это была правда.

– Как ты, – ответил он и пододвинул мой стул к столику.

И внезапно все стало как у взрослых. Именно так, как об этом рассказывали.

На пляже мы улеглись рядом, и Карло показал на небо:

– Видишь вон то созвездие? Это Плеяды – кажется, что там пять звезд, но если бы было темнее, мы бы увидели, что их там целых двенадцать. Я где-то читал, что индейцы, глядя на эти звезды, проверяли зоркость глаз.

Карло добавил, что его дед помнил и мог распознать на небе все восемьдесят восемь созвездий. И уверенно указал на маленькую яркую группу звезд моего знака зодиака.

В детстве дед и отец водили его в обсерваторию, где он любовался космосом и научился находить на небе созвездие Андромеды.

Тут он повернулся на бок и пальцами начертил на песке самое неяркое созвездие – Рыбы – и самое крупное – Орион.

Дул ветер, песок был ледяным, но в его объятиях я не чувствовала холода.

Карло приподнялся, приблизил свое лицо к моему и прошептал:

– Ни Плеяды, ни Кассиопея, ни даже красная звезда-сверхгигант – ни одна звезда не притягивает меня так, как ты…

Да, Луче, твой отец мог парить в небе за миллионы километров от Земли, но всегда знал, когда именно нужно вернуться назад.

Я будто в трансе потянулась к губам Карло и поцеловала его, потому что иначе не могла. Из-за всего того, что я разглядела в нем, таком юном и совершенном, из-за всего того, что он знал и помнил, из-за его страсти к лидерству, доброты, его ранимой красоты и нежности ко мне, которую он никогда не скрывал.

Мое сердце билось все сильней. Его пальцы скользнули по моей руке, спустились к животу и бедрам. Я закрыла глаза и отдалась круговороту звезд и моря вокруг нас.

Затем наступила тишина, и мир неожиданно обрел смысл – в единении наших тел, сплетении наших пальцев, нашем сбившемся дыхании. На глазах у меня выступили слезы, как будто я долго смотрела на солнце.

Днем раньше, 9: 00

В тот день улыбка Анджелы стала для меня первым пожеланием доброго утра. Она пришла в магазин за пару минут до меня, отключила сигнализацию, подняла ставни, разблокировала кассу и прослушала сообщения на автоответчике – в общем, сделала все то, что я считала бесконечно скучным.

В руках она держала утреннюю почту.

– Я попросила Тео принести нам два кофе и свежевыжатый сок. После такой ночи мне нужно взбодриться…

Такой была Анджела: ее день всегда начинался раньше моего.

Она помогала мне справляться с моей темной, мрачной стороной. Мы были абсолютно разными, но вместе работали отлично – слаженно и весело.

Мы с Анджелой выросли вместе: с первого класса школы со мной рядом постоянно были мои родители и она.

Двенадцатого сентября 1977 года мы с мамой быстро шагали по коридору начальной школы Витторио Альфьери в поисках первого класса «Б». В класс мы вошли последними, и мама протащила меня через толпу детей к парте, которая стала моим, то есть нашим с Анджелой, прибежищем на следующие пять лет.

Она мне сразу понравилась, потому что была одна и не плакала. Отец оставил ее на пороге класса со словами: «Ступай и веди себя достойно». Он был морским офицером: никаких нежностей и строгая дисциплина. «Хорошо, папа», – ответила она и, вздохнув, с ранцем за спиной отправилась завоевывать третью парту слева, поближе к окну и к окружающему миру.

– Как тебя зовут?

– Виола.

– Как цветок! Здорово! А меня зовут Анджела, как всех хороших девочек! – заявила она и заразительно рассмеялась, остановив на миг течение времени.

От ее смеха мне сделалось удивительно хорошо, и я тоже расхохоталась.

У Анджелы были зеленые глаза, копна рыжих кудряшек, солнечные веснушки, и она всегда улыбалась, спасая меня от невзгод. Ей нравилось рисовать, и она рисовала повсюду. Когда я получше ее узнала, то поняла, что все вокруг она воспринимала как мольберт: нашу парту, аптечные рецепты, чеки из магазина, бумагу, в которую заворачивают продукты, и даже мой дневник. Анджела выражала себя в цвете, и каждое ее настроение имело вполне определенный оттенок. Для меня это было очевидно, хотя иногда казалось, что я единственная, кто ее понимает.

Она покрывала рисунками все мои книги, а я клала разные мелочи туда, где, казалось, не действовал закон тяготения, – на ее шевелюру. И каждый раз гадала, почему это фломастер нисколько не приминает ее волосы.

Анджела мотала головой – и скрепки, ластики, ручки падали на пол.

Я каждый раз хохотала до слез.

Мы вместе делали домашние задания, делили завтрак и ждали друг друга у входа в школу, потому что через две ступеньки нужно было обязательно перепрыгивать вместе – чтобы повезло.

Однажды нас отпустили с занятий на час раньше: в городе объявили штормовое предупреждение.

Все утро шел снег, и, переступив порог школы, мы как будто оказались внутри торта со взбитыми сливками. Ступеньки и тропинка, которая вела за ворота, были совершенно белыми.

– Смотри, как красиво, Виола! – Анджела взмахнула руками и стала ловить снежинки ртом. Я остановилась, ухватилась одной рукой за поручень, а другой попыталась поймать Анджелу, но она крутилась на месте, раскинув руки и подняв глаза к небу: – Виола, ну давай же! Это здорово! Все кружится! И снег идет!

Тут я увидела, что нога у нее подвернулась, она поскользнулась и рухнула на землю.

Я вскрикнула и подбежала к Анджеле. Она лежала с закрытыми глазами, сморщившись, как будто жевала лимон. Я не знала, что делать, поэтому стащила с себя пуховик и улеглась рядом с ней – голова в снегу, ноги на ступеньках.

– Я здесь, Анджела! Тебе очень больно?

Она не отвечала. Я накрыла ее пуховиком и стала ждать, держа ее за руку.

Вскоре нас нашли, и из больницы Анджела вышла с гипсом на руке, а я – с жесточайшей простудой.

Когда Анджеле сняли гипс, ее отец купил нам два огромных полосатых леденца, от которых, если их долго лизать, язык становится красным и начинает болеть голова.

Среднюю и старшую школу выбирали по раз и навсегда заведенному порядку: куда пойдет Виола, туда и Анджела.

С этим проблем не возникало. Мать Анджелы умерла, когда та была еще совсем маленькой, а ее отец слепо полагался на моих родителей, надеясь, что никто этого не замечает.

Моей маме Анджела нравилась – впрочем, как и всем остальным. Она никогда не капризничала, была опрятна, всегда отвечала «Да, синьора!», искренне, заразительно смеялась и часто дарила маме замечательно трогательные черно-белые портреты.

Так и прошло наше детство: куча ее рисунков и скромные школьные завтраки.

Анджела страстно любила искусство, а у меня была деловая жилка. Она с ходу распознавала в человеке талант, а я извлекала из этого прибыль. Двадцать лет назад мы начали наше дело почти шутки ради, и до сих пор оно осталось для нас игрой – пусть даже с четко установленными правилами.

Мы выросли и многое уже не могли себе позволять – курить травку, напиваться, заниматься случайным сексом в подсобке магазина. Мы стали взрослыми женщинами, а я – еще и матерью, хотя без Карло я никогда бы не могла считаться нормальной мамой.

Я часто смотрела на Анджелу и думала: действительно ли она забыла? Иногда меня так и подмывало спросить: «Слушай, ты никогда не представляла себе, как бы все сложилось, если бы я в тот день поговорила с Массимо?» Я воображала, каким стало бы выражение ее лица, ведь обмануть меня ей бы не удалось, даже если бы она попыталась. Но я ни о чем не спрашивала, потому что заранее знала ответ, а когда бередят старую рану, это больно, хотя никто и не признается.

Массимо вошел в мою жизнь и оставался там ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы занять вакантное место. Прежде этого места не было, но он сам его создал, как щенок, который ищет защиты, как вода или корни растения. Он просто был, и все. Как у всех остальных, у него имелись глаза, нос, рот, ноги, живот, но этих остальных я бы даже не заметила, словно их и не было вовсе.

Потом я вышла замуж за Карло, потому что темнота в конце концов стала страшить и меня, и о Массимо мы больше никогда не вспоминали.

– Если бы эта галерея могла говорить… – подумала я вслух.

– Что бы она сказала? Что мы сумасшедшие или что нам просто очень везет? – ответила подруга, открывая пакетик с сахаром.

– Если бы она могла говорить, то рассказала бы такое, во что немногие бы поверили.

– Мы пережили пожар, два ограбления, непонимание публики, но ты права. Если бы она заговорила, то рассказала бы и обо всем остальном. – Анджела рассмеялась и, ухмыляясь, продолжила: – У тебя назначена встреча, уже скоро. Он архитектор лет сорока пяти, как раз в твоем вкусе.

Я улыбнулась, как и много лет тому назад.

Все обстояло именно так: если клиент был привлекателен – а художники часто такими бывают, – я бросалась на него, как дикая кошка. С появлением Луче и Карло многое изменилось, но не все. Страсть к приключениям и умение прикидываться стали частью моей натуры, растворились в ней, как лекарство.

Он появился в дверях, как перст судьбы, и молча застыл на пороге. Мы с Анджелой смотрели на него как на мираж. Разве можно быть таким красивым? Чудесным, словно глоток свежей воды в пустыне.

Смогла бы я, в другой жизни, в другом мире, полюбить этого мужчину? Полюбить так, как любят в шестнадцать лет, – раз и на всю жизнь, вопреки всем и всему, находя оправдание даже самым неприглядным поступкам?

Тот человек пришел в галерею, и мы поговорили о работе, об искусстве, о его творчестве и о комиссионных. А потом стали обсуждать музыку, путешествия, повседневность, мечты и идеалы.

Я играла саму себя и соответствовала своей роли.

О вас, Луче и Карло, я не упомянула ни разу – как будто вас не существовало, как будто вы были нереализованной мечтой, двумя придуманными именами, как в игре в куклы.

Но вы есть – и об этом не забудешь. Вы состоите из плоти и крови и привязаны друг к другу, как шнурки к ботинкам. Вы бродите рядом со мной, понимаете друг друга с полуслова и общаетесь на языке, который мне доступен лишь на самом элементарном уровне – оттенки и полутона для меня непостижимы. У вас есть «ваши места» и особые ритуалы: перед сном, сидя на краешке кровати, вы оба пьете сладкую воду; по утрам вы соревнуетесь, кто первый сплюнет воду на зубную щетку другого; Луче мчится к Карло, ставит ножку ему на колено, подлетает к потолку, мягко приземляется в надежные объятия отца, получает привычный поцелуй в макушку и радостно хохочет. Родственники воспринимают Луче и Карло как единое целое.

А я вас так наказываю – я изменяю. Изменяю банально, расчетливо, цинично, чтобы меня застали на месте преступления. Изменяю, закрыв глаза, словно я слепая, словно в этом нет моей вины. Зачем я это делаю? Уж если вы меня к себе не подпускаете, так и я буду для вас загадкой.

Когда тот мужчина вышел из моего кабинета, я знала, что на этом наше общение не закончится, что я вскоре снова с ним встречусь – и не только по делам. Определенные вещи сразу очевидны: например, возникнут ли отношения и чем они закончатся. Настоящие опытные мужчины могут сразу же с точностью сказать, когда именно все завершится. Мы все знаем заранее; а рассказы о том, что все случилось неожиданно, – всего лишь отговорка.

«Поужинаем вместе?» Два слова в эсэмэске обволакивают, как вязкая смола.

Я ответила банальным «да», потом с головой погрузилась в свою вторую жизнь: деловой ужин всегда был беспроигрышным поводом для того, чтобы провести вечер вне дома, – и это даже не был стопроцентный обман. Угрызения совести исчезли, будто по мановению волшебной палочки.

Для меня все это было не впервой, поэтому я точно знала, что делать, и следовала раз и навсегда заведенному ритуалу. Секрет заключался в том, чтобы всегда действовать одинаково: постоянство обеспечивало предсказуемость событий, гарантировало соответствие между ожиданием и действительностью и давало мне возможность контролировать ситуацию. Я в этом порядком поднаторела. Однажды мне в руки попал журнал, один из тех, что предназначены для ярких, динамичных, предприимчивых и сексапильных женщин, с броским дизайном и провокационным содержанием. Центральная статья номера была посвящена проблеме измены. Психиатр Фрэнк Питтман, эксперт в области отношений между полами, утверждал, что существует четыре типа неверности: пассивная неверность, вызванная собственной неразборчивостью; романтическая измена, происходящая при встрече с кем-то привлекательным в момент глубокого кризиса в постоянных отношениях; утешительная измена, которая становится отдушиной в браке, не желающем ни закончиться, ни возродиться; измена «бабника», который получает удовольствие от процесса завоевания.

Я прикинула, к какой категории отнести себя, но сразу решить не смогла и стала читать дальше: во второй части статьи перечислялись правила для тех, кто хочет сделаться идеальным изменником.

Есть ли в нашем обществе люди, которые рассматривают измену как нечто достойное? Возможно, любое поведение становится достойным, если его приемлет хотя бы часть населения. Пожалуйста: на страницах чуть более продвинутого журнала можно отыскать золотые правила неверности.

Я вспомнила свои собственные правила и в шутку сопоставила их с перечисленными: совпадает – не совпадает.

1. Не изменяйте собственным привычкам и не выбивайтесь из привычного расписания. Не демонстрируйте перепады настроения. Все это вызывает подозрения и требует сложных объяснений.

2. Отдавайте предпочтение одноразовым связям с незнакомцами, чтобы не давать им номер телефона, избегая возможного преследования или шантажа.

3. Не пользуйтесь банковской картой. Выписка со счета со следами развлечений вне дома может выдать вас с головой.

4. Никому не рассказывайте об измене, даже если вас очень тянет похвастаться перед друзьями.

5. Всегда имейте наготове темы для разговора, которые помогут отвлечь партнера от обсуждения его подозрений.

6. Если партнер слушает ваш разговор по телефону, говорите так, будто общаетесь с сослуживцем.

7. Делайте вид, что звоните к себе на работу, а в случае чего отключайтесь, возмущаясь вслух, что связь опять оборвалась.

Женщинам проще лишь в одном: мы не оставляем следов – не платим по счетам, не храним чеков или квитанций.

Я прекрасно знала, что платить за измену придется не в денежном эквиваленте.

Днем раньше, 18:30

Не желаете ли, добрые люди, послушать прекрасную повесть о любви и смерти? [...] Славные труверы былых времен сказывали эту повесть для всех тех, кто любил, не для других. Они шлют через меня вам привет, всем тем, кто томится и счастлив, кто обижен любовью и кто жаждет ее, кто радостен и кто тоскует, всем любящим. Пусть найдут они здесь утешение в непостоянстве и несправедливости, в досадах и невзгодах, во всех страданиях любви. Это повесть о Тристане и королеве Изольде. Послушайте, как любили они друг друга, к великой радости и к великой печали, как от того и скончались в один и тот же день – он из-за нее, она из-за него[2].

Я столкнулась с Луче на пороге дома. На радость отцу, она собрала волосы в хвост. Какое-то время я наблюдала, как она ищет ключи в своей лаковой красной сумочке, но вот дверь распахнулась, и на лице дочери вспыхнула невольная, но по-взрослому сдержанная улыбка.

– Добрый вечер, синьора Джина! – разнесся по холлу ее звонкий голосок.

[2] *Ж. Бедье.* Тристан и Изольда. Пер. А. Веселовского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.